В диссертационный совет 24.2.366.08
(политические науки) при ФГАОУ ВО
«Российский государственный гуманитарный
университет»

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора политических наук, профессора Сельцера Дмитрия Григорьевича на диссертацию Салгириева Али Руслановича «Деятельность элит Северного Кавказа в контексте общероссийских и региональных политических процессов», представленную на соискание учёной степени доктора политических наук по научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии

Общая оценка и актуальность темы исследования. Актуальность темы диссертационного исследования Салгириева Али Руслановича обусловлена комбинацией разных факторов, в том числе – очевидным расхождением между политической субъектностью северокавказских элит и недостаточным арсеналом средств изучения акторов (с. 4). Региональные правящие группы перестали быть лишь исполнителями федеральных решений, они располагают административными, финансовыми, медийными и символическими ресурсами, которые могут использоваться в целях мобилизации. Сужение социальных лифтов выталкивает молодёжь к внеинституциональным лидерам, дефицит доверия перестаёт быть социологическим показателем и превращается в перманентный фактор политического риска и нестабильности на Северном Кавказе. Макрорегион изучался в основном по отдельным республикам, целостного сравнительного анализа всех субъектов округа политическая наука не имела, и работа А.Р. Салгириева заполняет чётко обозначившийся пробел, подходя к вопросам политического управления системно и академически фундаментально.

Научная значимость диссертации определяется постановкой проблемы на пересечении трёх процессов: воспроизводства власти, социально-

экономического развития и этнополитической устойчивости. За счёт этого региональные кейсы не распадаются на набор самостоятельных сюжетов. Автор последовательно связывает способы формирования правящей группы с результатами управленческой деятельности. Для элитологии такая постановка, мне представляется, принципиальна. Принадлежность к элите определяется не титулом и не публичной известностью, а реальным обладанием властью – участием в принятии решений, доступом к ресурсам, возможностью проводить политическую линию и несением ответственности за последствия управленческого выбора.

Структура диссертации и характеристика содержания глав. Диссертация объёмом 413 страниц включает введение, три главы, пятнадцать параграфов, заключение, список источников и литературы из 391 наименований. Структура работы подчинена общей исследовательской логике и последовательно ведёт от теоретического осмысления элит к анализу ресурсной базы, механизмов деятельности и региональных политических практик. Композиция подчинена движению от истории идей и уточнения понятий к анализу ресурсов, а затем к разбору элитистских практик всех субъектов Северо-Кавказского федерального округа. Дедуктивный порядок оправдан. Региональные наблюдения получают заранее выстроенный понятийный аппарат, теоретические тезисы проходят проверку на разнородном материале.

Первая глава «Теоретико-методологические подходы исследования деятельности политических элит» занимает с. 29–87. Параграф 1.1 «Эволюция идей о политических элитах в мировой и отечественной науке» (с. 29–55) прослеживает изменение представлений о правящем меньшинстве, от античной идеи власти лучших у Платона и Аристотеля (с. 30–31) через Макиавелли к классической элитологии, демократическому элитизму, плюралистическим, ресурсным и сетевым трактовкам. В параграфе 1.2 «Сущность и динамика

политических элит» (с. 56–68) очерчены границы концепта «политическая элита», проведено его отделение от более широких категорий политического класса, деловых кругов, медийных фигур и общественных лидеров, показана историческая смена оснований элитного статуса. Параграф 1.3 «Структура, типология и особенности функционирования политических элит» (с. 69–87) посвящён уровням и сегментам элиты, каналам рекрутирования, гильдейской и антрепренёрской моделям отбора, критериям влияния, авторскому статусно-десизионному подходу.

Наиболее самобытным фрагментом первой главы выступает параграф 1.1. История элитологических идей разумно изложена не как перечень имён, а как постепенная смена ответа на вопрос об основаниях, дающих меньшинству право управлять большинством. В античной мысли основаниями служили добродетель, знание, ориентация на общее благо. Средневековый порядок связывал господство с сословной и религиозной иерархией. Новое время выдвинуло проблему государственного расчёта, договора, закона, ответственности власти. Классики элитологии перенесли внимание на организационное превосходство меньшинства, циркуляцию правящих групп, олигархические тенденции массовой политики. Позднейшие авторы расширили анализ за счёт конкуренции групп, контроля над ресурсами, бюрократии, капитала, знания, коммуникаций, доступа к принятию решений.

Сильной стороной авторского размышления стало включение отечественной традиции в общую историю политической мысли. Соискатель работает с корпусом работ Г.К. Ашина, В.А. Тишкова, О.В. Крыштановской, О.В. Гаман-Голутвиной, Ж.Т. Тощенко, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина, А.К. Магомедова, Р.Ф. Туровского и показывает, что российские исследования элит точно развивались не путём простого заимствования западных моделей. В 1990-е годы исследовательский интерес был вызван распадом прежней номенклатурной системы, появлением региональных центров власти,

необходимостью описать новых губернаторов, предпринимателей, силовые и партийные группы (с. 52). Затем возникли развёрнутые концепции постсоветского политического класса, каналов рекрутирования, отношений центра с регионами. На современном этапе внимание смещается к технократизации управления, обновлению губернаторского корпуса, кадровым резервам, сетевому влиянию, устойчивости региональных режимов. Выстроенная периодизация согласуется с предметом диссертации, поскольку каждая волна элитологических работ отвечает определённому состоянию власти, а последняя из них прямо выводит к эмпирической части диссертации.

На с. 56 параграфа 1.2 элита определена как привилегированная и политически господствующая социальная группа, обладающая ресурсами власти, влияния и участвующая в подготовке решений. Соискатель связывает принадлежность к политической элите с реальной включённостью в управление. Представители бизнеса, средств массовой информации, общественных организаций, публичные лидеры способны воздействовать на власть, но в политическую элиту автоматически не входят (с. 58–59). Обозначены каналы вхождения в элиту – доступ к государственному управлению, властные полномочия, устойчивое участие в выработке управленческих решений. Сам подход заслуживает поддержки, так как А.Р. Салгириев отказывается от расширительного употребления термина, где элитой именуют любого известного или состоятельного человека. Политическая элита в работе – не «престижный слой» и не совокупность публичных фигур, а группа реального управления. Критерий смещён с символического признания на участие в принятии решений, что прямо вытекает из статусно-десизионного подхода и делает понятие пригодным для эмпирической проверки. Ценно и то, что соискатель открыто признаёт подвижность границы, приводя случай предпринимателя, со временем вошедшего во власть через официальную должность (с. 59).

На с. 84–85 автор выделяет категорию «новые мусульмане», относя к ней религиозно-политических лидеров вне административного аппарата, способных влиять на мобилизацию и признание власти. Должностное ядро дополняется более сложной моделью, где наряду с носителями официальных полномочий действуют акторы, контролирующие общественное доверие, коммуникацию и коллективное действие.

В параграфе 1.3 авторская логика развивается через статусно-десизионный подход. Автор разводит формальное положение актора и фактическое участие в подготовке решений, их корректировке, блокировании, общественной легитимации. Для северокавказских регионов обозначенное различение существенно, так как официальный руководитель не всегда является единственным центром согласования. Элитность связывается с устойчивой способностью влиять на принятие и реализацию решений.

В первой главе соискатель выстраивает генеалогию критериев элитности, где происхождение и сословный статус сменяются личными качествами, организационным превосходством, контролем ресурсов, должностной позицией, участием в решениях. На выстроенном основании предложено применимое к Северному Кавказу понимание элиты как узкого круга управляющих акторов, чья власть складывается из полномочий, ресурсов, сетевой поддержки, общественного признания. Отдельного внимания заслуживает вывод о реактивной ротации (с. 83).

Вторая глава «Ресурсная база и стратегии активности региональных политических элит» занимает с. 88–169. В параграфе 2.1 «Социально-экономические, административные и информационные ресурсы элит» (с. 88–99) рассмотрены политические, финансовые, символические ресурсы активности элит.

В параграфе 2.3 харизматическое лидерство рассматривается как политический ресурс, срабатывающий при институциональной слабости и

запросе на персональную ответственность. Общественное признание таких лидеров опирается на биографию, характер, военный либо религиозный авторитет, особую символическую связь с исторической судьбой народа. Наряду со стабилизирующим потенциалом зафиксированы риски зависимости управления от единственной фигуры, затруднённого транзита власти, застоя при отсутствии обновления (с. 134).

В параграфе 2.4 показано, что современный политический клан не тождествен роду, тайпу или тухуму. Вокруг патрона консолидируются родственники, земляки, деловые партнёры, чиновники, силовики. Единство держится не на генеалогии, а на воспроизводимом обороте услуг, защиты, продвижения и санкций. Клан в диссертации выступает формой организации доступа к власти там, где публичные правила кадровой конкуренции действуют лишь в известной степени. Эта часть диссертации представляется особенно ценной, поскольку раскрывает неформальные практики бытования политических элит.

Третья глава (с. 170–361) целиком построена на материалах авторской экспедиции. Методический параграф 3.1 (с. 170–176) фиксирует исследовательский дизайн – маршрут, выборку и этические рамки. С 12 августа по 12 сентября 2024 года эмпирическим исследованием были охвачены все семь субъектов округа, проведены 42 глубинных интервью с учёными, независимыми экспертами, членами правительств и депутатами (распределение приведено на с. 174). Далее автор детализировано развернул семь региональных сюжетов.

Заключение диссертации (с. 362–369) обобщает научный труд предъявлением авторской концепции многоуровневой элиты Северного Кавказа. Важным научным результатом выступает характеристика негласного договора между центром и региональными руководителями. Федеральная сторона предоставляет финансовые и административные ресурсы, а также

гарантии личной безопасности, региональные элиты обеспечивают управляемость, электоральную поддержку, противодействие радикализму (с. 363). Соискатель одновременно указывает пределы отношений – зависимость от трансфертов, персонализацию, кадровую закрытость, слабую автономию общественных институтов.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций. Научные положения диссертации обладают достаточной степенью валидности, так как авторская аргументация строится на трёх совершенно определённых уровнях. На теоретическом – проведён анализ истории элитологических идей и уточнены критерии принадлежности к политической элите. На аналитическом – исследованы ресурсы, каналы рекрутирования, виды лидерства, клановые механизмы. На эмпирическом – предложенные положения проверены на материалах всех субъектов округа. Транзит между уровнями логичен, структура диссертации ясна. Понятия, введённые в первой главе, получают содержательное наполнение во второй и региональную конкретизацию – в третьей.

Обоснован исходный тезис о непропорционально высокой роли правящих групп в Северо-Кавказском федеральном округе. Экономическая зависимость от центра делает руководителей и связанные с ними круги распорядителями ресурсов развития. Полиэтничность превращает кадровые решения в средство поддержания либо нарушения межгруппового равновесия. Наличие родственных и патронажных объединений придаёт кадровой политике сетевой характер.

Перечисленные суждения детально развёрнуты во второй и третьей главах, отчего тезис об элитах как центральных акторах регионального политического управления опирается не на декларацию, а на плотный массив наблюдений. Убедительно обоснована неоднородность северокавказских элит. Соискатель воздерживается от распространения чеченской либо дагестанской

модели на весь округ, указывая на расхождения в этническом составе, историческом опыте, степени персонализации власти, весе федерального центра, источниках общественного авторитета. Особенно ценно введение в анализ Ставропольского края как значимого сравнительного случая; примера, где кадровая система тяготеет к общефедеральной административной модели. Совмещение локальной и макрорегиональной перспектив предохраняет исследователя и собственно исследование от культурного эссенциализма и безоглядного объяснения всех процессов «кавказской традицией», что часто встречается в научной литературе и выглядит очень странно. Практические рекомендации на с. 366–369 выведены из диагностированных дефицитов устойчивости и управленческого взаимодействия.

Предложено повысить прозрачность кадрового отбора, укрепить профессиональные критерии продвижения, расширить каналы общественного участия, привлечь молодёжь и признанных локальных лидеров, развивать общероссийскую гражданскую идентичность. Логика связи прослеживается. Закрытость рекрутирования, первенство личной лояльности, слабая социальная мобильность требуют встречного расширения кадровой базы и публичной ответственности. По существу, соискатель предлагает сдвиг от гильдейской модели отбора к антрепренёрской, и рекомендации выиграли бы от прямого проговаривания сдвига. Пока они удержаны в рамочном поле, без показателей, субъектов исполнения и порядка оценки результата, отчего операционализация отходит к будущим исследованиям.

Степень достоверности результатов. Достоверность обеспечена широтой источниковой базы и перекрёстной проверкой разнородных материалов. В работу вовлечены научная литература, нормативные акты, статистические данные, сведения о персональном составе органов власти, данные партийного представительства, медиапоказатели, региональная историография, экспертные интервью. Ни один источник не наделён

доминирующим статусом. Статистику соискатель поверяет экспертным суждением, историческую реконструкцию – кадровой динамикой, публичную риторику – наблюдаемыми и, самое главное, анализируемыми решениями. Перед нами последовательно проведённая триангуляция в решенческом понимании, где расхождение показаний разных типов данных само становится предметом анализа, а не научной помехой. Критическая дистанция выдержана на всём протяжении текста.

Особое значение имеют полевое исследование 2024 года и последующее соотнесение выводов с политической динамикой 2025 года (с. 26). Экспедиционный маршрут охватил весь округ, а состав респондентов включал представителей науки, исполнительной и законодательной власти, независимых аналитиков, общественных деятелей. Чувствительность темы оправдывает анонимность собеседников. Масштаб выборки достаточен для качественного сравнительного исследования, хотя для статистического представительства населения он не предназначен, и автор подобных планов не заявляет.

Достоверность повышается длительностью научной работы соискателя по теме. Исследование не возникло как экспромт. Его положения проходили апробацию в проектах научных фондов, руководителем которых выступал соискатель, обсуждались на заседаниях научных подразделений и конференциях (с. 27–28). Продолжительная работа важна для изучения элитной динамики, поскольку кадровые циклы, изменение межгрупповых союзов и последствия реформ не поддаются адекватной оценке по одному временному срезу.

Отдельного одобрения заслуживает осторожность автора при оценке региональных систем. А.Р. Салгириев фиксирует достижения политической стабилизации, не отождествляя отсутствие открытого конфликта с успешным развитием. Выигрыш в управляемости всякий раз оплачивается уступкой в

открытости, и ни одна из региональных конфигураций не обходится без потерь. Аналитическая сдержанность укрепляет доверие к выводам.

Научная новизна диссертации. Новизна распределена по трём аспектам – концептуальному, терминологическому, сравнительно-эмпирическому.

Первый результат состоит в реконструкции эволюции критериев элитности и переносе реконструкции на российский региональный материал. Соискатель прослеживает, как элитность последовательно связывалась с происхождением, добродетелью, богатством, организационным превосходством, должностью, контролем ресурсов, участием в решениях. Смена критериев прочитана не как перечень школьных дефиниций, а как история переопределения самой природы господства, где каждый следующий критерий отвечает изменившемуся способу воспроизводства власти. Отсюда выведено строгое исходное определение. Политическая элита есть группа реального управления, а не размытый круг влиятельных лиц.

Второй результат – описанная многоуровневая дифференциация северокавказской элиты. А.Р. Салгириев разводит управленческое ядро и сети неформального влияния, не смешивает их. Выявленные категории «диктиократическая элита» и «новые мусульмане» дают нам новые знания о структуре региональных элит. Конечно, предложенная автором терминология ждёт дальнейшей апробации.

Третий результат – интегральный статусно-десизионный подход, который существенно расширяет методологию исследования элит. Для закрытых кадровых систем авторский ход особенно эффективен.

Четвёртый результат – выявление реактивной модели ротации элит. В ряде субъектов кадровое обновление происходило после конфликтов и кризисов легитимности, террористической угрозы или вмешательства федерального центра. Соискатель дополняет классическую теорию циркуляции элит указанием на региональные триггеры (импульсы) смены правящих групп.

Пятый результат – концептуализация различающихся моделей элитного порядка внутри одного макрорегиона. Для каждого субъекта округа обоснована собственная модель политического управления. В совокупности они образуют сравнительную карту элитного развития Северного Кавказа.

Шестой результат заключается в раскрытии связи между депрессивной социально-экономической средой и повышенной политической ценностью государственного ресурса. Автор показывает, что ограниченность самостоятельных источников роста усиливает роль лиц, контролирующих бюджет, кадры и крупные проекты. Клановость и патронат получают тем самым не только культурное, но и политико-экономическое объяснение.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость диссертации состоит, прежде всего, в развитии элитологии, политической регионалистики, исследований этнополитических процессов. Работа уточняет понятие политической элиты, разделяет положение, ресурс и реальное участие в решениях, раскрывает историческую изменчивость критериев элитности. Предложенная трактовка клана как адаптивной группы политического обмена расширяет понимание клиентелизма и патроната. Региональные модели применимы при сравнении других полиэтничных субъектов Российской Федерации.

Практическое значение, вне всякого сомнения, связано с практической кадровой политикой, предупреждением кризисов и конфликтов. Диссертация показывает, что назначение руководителя без учёта местных каналов признания способно вызвать дефицит легитимности даже при наличии федеральной поддержки, а зачастую – и вопреки ей. Одновременно чрезмерная опора на локальные группы закрепляет закрытость и снижает мобильность. Для государственного управления важен поиск режима, при котором общественное представительство не превращается в наследственное квотирование, а

меритократический отбор не воспринимается как внешнее вытеснение региональных интересов.

Материалы исследования применимы при оценке кадровых рисков, подготовке программ социально-экономического развития, организации общественных консультаций, профилактике этнополитических конфликтов, разработке образовательных курсов по политической регионалистике и этнополитологии.

Полнота публикации результатов и соответствие научной специальности. Согласно сведениям, приведённым во введении на с. 28, по теме диссертации опубликована 121 работа, включая две монографии, 25 статей в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, 12 публикаций в изданиях, индексируемых в международных базах Scopus и Web of Science. Представленный массив охватывает главные направления диссертации – элитное рекрутирование, ресурсы власти, региональную безопасность, этнополитическую напряжённость, информационные угрозы, легитимность, идентичность, противодействие экстремизму.

Основной массив публикаций представлен в журналах Перечня ВАК, отвечающих профилю специальности и тематике работы. Содержание диссертации соответствует научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии.

Замечания. Положительная оценка диссертации не исключает ряда замечаний, адресованных дальнейшему развитию авторской концепции.

1. Было бы полезно «простроить» анализ с элементами кросс-темпорального подхода, когда элиты изучаются не только в актуальной политической статике, но и в историко-политической динамике. Какой-то раздел диссертации мог быть посвящён общему обзору генезиса и трансформации северокавказских политических элит в постсоветскую эпоху. На мой взгляд, важно увидеть, как, с какой скоростью строгие номенклатурные

правила уходили в прошлое, какие нормы, в какой последовательности приходили им на смену.

2. Было бы интересно проследить трансформацию персонального состава правящих элит. Применение биографического метода, просопографический анализ позволили бы, уверен, увидеть и нужную межпоколенческую динамику, и межрегиональные различия. Автор, однако, не заявлял эту задачу. Оттого сказанное выше может рассматриваться скорее как пожелание на будущее.

3. В заключении муниципальные субэлиты включены в конструкцию многоуровневой элиты (с. 365, 367). Вместе с тем, логика основного анализа выстроена вокруг республиканского уровня. Местное звено появляется фрагментарно – его затрагивают лишь при разборе силового кадрового резерва и муниципальных карьерных траекторий (с. 103, 185, 212–216, 251), а отдельного содержательного блока не получают. Между тем, локальные элиты, тем более – на Северном Кавказе, играли и играют особую роль в политической жизни. Клановый характер местных отношений, политических – в том числе, локальные обычаи априори не могут не повышать роль локалитетов.

4. Из шести критериев элитности (с. 103–106, 169) заметное место отведено образованию и профессиональному опыту элит, но эмпирические данные (с. 115) демонстрируют совсем другую иерархию. При попадании во власть решающую роль играют личные связи и лояльность – 94 % против двух процентов. Нужно чётко развести три детерминирующих признака: принадлежность к элите, каналы рекрутирования и нормативные требования к управленцу; их смешение ведёт к наблюдаемому в работе алогизму.

5. На с. 278 написано, что возвращение молодёжи, получившей образование за пределами республик, трактуется как потенциальный источник появления новых акторов. Вместе с тем, на с. 272 фиксируется противоположная динамика: установка на приоритет «местным» и насторожённое отношение к «чужакам». Не совсем ясно, где и при каких

условиях внешний образовательный опыт воспринимается как ресурс, а не как фактор стигматизации.

6. Предлагаемые рекомендации по расширению каналов рекрутирования (вхождения в элиту) необходимо соотнести с существующим противоречием между профессиональным отбором и принципом местного представительства. Резкое ослабление и даже отказ, как намекает автор, от партикулярных механизмов в кадровой политике может восприниматься как сигнал вытеснения групп, традиционно обладающих правом на участие в управлении.

7. Политическая жизнь на Северном Кавказе всегда рассматривается как некий особый случай на фоне общих процессов российской трансформации. На мой взгляд, было очень правильно увидеть различия в формах бытования элит макрорегиона – различных северокавказских республик, но и в будущем более предметно проследить отличия ключевых рассматриваемых процессов от общероссийских показателей. Они, в сущности, читаются в оценках северокавказских политических реалий, но прямые сравнения отсутствуют.

Высказанные замечания не противоречат общей высокой оценке работы.

Заключение. Диссертация Салгириева Али Руслановича «Деятельность элит Северного Кавказа в контексте общероссийских и региональных политических процессов» представляет собой самостоятельную, завершённую и внутренне единую научно-квалификационную работу. Диссертация выполнена самостоятельно. Она содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты, и свидетельствует о личном вкладе соискателя в политическую науку.

Основные результаты опубликованы в рецензируемых научных изданиях в необходимом объёме. Работа соответствует научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии.

По содержанию, научному уровню, достоверности, новизне и практической значимости диссертация отвечает критериям, установленным

пунктами 9–14 Положения о присуждении учёных степеней, утверждённого постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 Салгириев Али Русланович заслуживает присуждения учёной степени доктора политических наук по научной специальности 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии.

Официальный оппонент –

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Дмитрий Григорьевич Сельцер

5 октября 2026 г.

392000, Тамбовская область, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, 33
Тел. +7 953 700-11-10, seltser@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена докторская диссертация: 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии.

ФГБОУ ВО «Тамбовский го… университет имени Г.Р. Д…
Подпись Сельцера Д.Г.
ЗАВЕРЯЮ
Директор Многофункционального центра ТГУ Управления кадрового сопровождения
« 5 » октября 20 26 г.